

А. Сурков

1943

Алексей Сурков

СТИХИ О НЕНАВИСТИ

О Г И З

*Государственное издательство
художественной литературы*

Москва 1943

* * *

Детей не ждет тепло родного крова,
В наплывах крови мертвая трава.
И вот в мои стихи приходят снова
Прямые и жестокие слова.

Нет твари бессердечней и бесчестней,
Чем злобный Гитлер, враг моей земли.
О, если бы поэты гневной песней
Врага, как сталью, поражать могли!

Всю ненависть, что в сердце накопила,
Прямым ударом, наотмашь, сплеча,
Как сталь кинжала, я вонзил бы в тело
Пресыщенного кровью палача.

Но песне быть кинжалом не дано...
Шагай же, песня, с воинами вместе!
Пусть ненависти горькое зерно
В сердцах бойцов взойдет ростками мести.

Лишь в день победы мы вздохнем свободней,
В цветах увидим родину свою.
Во имя этой радости — сегодня
Я месть, и гнев, и ненависть пою.

* * *

Лес притаился, безмолвен и строг,
Звезды погасли, и месяц не светит.
На перекрестках разбитых дорог
Распаты взрывами малые дети.

Глохнут проклятья истерзанных жен.
Угли пожарища теплятся скупо.
Воздух разбитых траншей заражен
Приторным тленьем забытого трупа.

Замкнут страданья народного круг,
Ржавщину горя не смоешь слезами.
В ужас сожженных домов и лачуг
Смотрит убийца пустыми глазами.

Руки убийцы в крови и грязи.
Ржет он, клыки пожелтые щеря.
Мститель, над пламенем встань! Порази
В черное сердце пьяного зверя.

* * *

Толпы людей без конца и числа
Шли нам навстречу в предутренней ране.
Помню: старуха козленка вела,
Девочка в тонких ручонках несла
Маленький, чахлый кустик герани.
Гнал их из города ужас ночной,
Пламя ревело за их спиной.

* * *

Дороги дальние пыльны...
Устали. Скоро ли вода?
Где гложут голоса войны,
Где в поле взмахи жней дружны,
От фронта, в глубину страны,
Народ ведет свои стада.
Сидят доярки на возах,
Идут понуро старики.
И скорбь и нежность в их глазах,
Как темный омут, глубоки,
Слеза не скатится с ресниц
На придорожный краснотал.
С кольцом в поздре шагает швиц,
Идет за возом симментал,
И вслед за матками пылят
Ватаги дымчатых телят.
Июльский день идет к концу.
Стрекочет триер на току.
Пастух пугливую овцу
Проносит в брод через реку.
Он смотрит долго на закат,
В туман, в бескрайние поля,—
Там теплый мир отцовских хат,
Его сады, его земля.
Пылят усталые стада.
Блеснула первая звезда.
Пастух на берегу реки
Стоит, сжимая кулаки.

* * *

Пройдя сквозь строй железных гроз,
Узнав, что дом с семьей сгорел,
Он от невыплаканных слез
Лицом и сердцем почернел.
Под елью он сидит в тени.
У ног его бежит река.
В глаза товарищу взгляни,
И ты поймешь, как месть сладка.

* * *

Он мне сказал, отходя ко сну:
— Черные тени в глазах рябят.
Только забудусь—вижу жену,
Только забудусь—вижу ребят.
Мертвые дети мерещатся мне.
Дрожь пробегает от волос до пят.—
...Вот почему в ночной тишине
Крепкие зубы его скрипят.

* * *

Сказав убитому: «Лежи, дружок!»—
Он к двери привалил тяжелый камень.
Большими недрожжащими руками
Он кровный дом со всех сторон поджег.

Скрываясь в ночь, он слышал вой, и крик.
И посвист пуль над переспелой рожью.
На грапи дня взлохмаченный старик
В лесной отряд пришел по бездорожью.
Он все решил. Прекрасна и грозна.
Его ведет народная война.

* * *

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обет
Беспощадно, яростно казнить
Тех людей, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить.
Если будет он в бою жесток?

* * *

В пустых дворах бездомный ветер рыщет,
Повалены заборы и плетни.
Взгляни, боец, на эти пепелища.
На эти трупы черные взгляни.

Горька гримаса боли неживая,
И налит гневом неподвижный взгляд
То мертвецы, о мщении взывая,
Живому быть безжалостным велят.

* * *

Грузовики, рыча, неслись куда-то,
Валялись трупы беженцев в пыли.
Два пехотинца пленного солдата
С передовых в армейский штаб вели.

У самого шоссе, воронку вырыв,
Убила бомба четверых ребят,
И, побледнев, один из конвоиров
Запес над немцем кованный приклад.

Другой взглянул в глаза и понял сразу,
И на плечо легла его рука:
— Уйми себя... Не надо... По приказу,
Мы в штаб живым доставим «языка».

Был день. Был зной. Горела ярко хата.
Вой «Мессершмиттов» замирал вдали,
Два пехотинца пленного солдата,
С передовых в армейский штаб вели.

* * *

Опять этот долгий прерывистый вой
Возник в облаках над моей головой.
Впиваются пальцы в сухую траву:
Летят самолеты врага на Москву.
Товарищ мой, стиснув виски, говорит:
— Алеша, в груди моей сердце горит!
Зачем ты, природа, мне не дала
Широкие, дерзкие крылья орла,
Чтоб ринуться в звездную высь, как гроза,

Чтоб коршунам вырвать пустые глаза,
Чтоб сильным крылом, как могучей стеной,
Прикрыть в эту полночь город родной!—
Товарищ другой приподнялся слегка,
Потрогал холодные грани штыка.
И мы услышали глухие слова:
— Клянусь тебе жизнью, родная Москва!
За кровь на асфальте, за женщин в слезах,
За ужас в бессонных ребячьих глазах,
За взрываший бомбами детский уют,
За каждый кирпич, что они разобьют,
За каждый квартал, укутанный в дым,—
Мы страшной расплатой врагу воздадим!

* * *

Как птиц к разбитому гнездовью,
К руинам нас влечет война.
Опять земля еврейской кровью
На сотни верст обагрена.
Вот женщина под ношей горя
Сломилась, встала при пути.
Куда ей, с черным роком споря,
От этих пепелищ уйти?

Над серым пеплом встань, Рахиль.
Страхни с одежды ветхой пыль,
Не плачь, не сетуй на крови.
Взгляни: тоску веков развеяв,
Встал мститель, сын твоей любви,
Красноармеец Гирш Леви —
Потомок гордых Маккавеев.

* * *

Враг вошел в мой дом и разбил
И развеял в пыли дорог
Все, что я растил и любил,
Как зеницу ока, берег.

За тяжелый топор отца
Я за имя любви берусь.
Быть безжалостным до конца
Я клянусь тебе, Беларусь!

Невидимкою ночь и день
По горячим следам врага
Неотступно ползу, как тень.
Сквозь трубы, через луга.

Я пойду по его следам,
Пулей встречу из-за плетня,
Я покоя ему не дам,
Сердце ужасом леденя.

И воздаст ему кровь за кровь
Мой не знающий меры гнев,
За разрушенный отчий кров,
За потоптанный мой посев,

За возвращенные мной сады,
За короткий сыновний век
И за каждый глоток воды
Из моих белорусских рек.

* * *

Над выжженной землею пыль клубится,
На пещелищах пляшет воронье.
Народам мира ты, народ-убийца,
Что скажешь в оправдание свое?
Где ты прошел, там кровь и трупов горы
И явь страшней, чем бредовые сны.
Кто звал тебя в цветущие просторы
Свободной, мирной, солнечной страны?
Иссякла сила духа, что взрастила
Плеяду светлых гениев земли.
На смену им пришел дикарь Атилла,
И внуки волчьей шерстью обросли.
Где ты прошел, там слезы, кровь и злоба.
И проклят миром твой разбойный род.
Когда б великий Гете встал из гроба,
Он не узнал бы свой родной народ.
Подслушав сердцем жалобы и стоны
В кремешной тьме коричневых ночей,
Он проклял бы родительское лоно,
Извергшее убийц и палачей.

* * *

В смертном ознобе под ветром трепещет осина.
Окна распахнуты настежь. Темная хата пуста.
Мать причитает над трупом убитого сына.
Вдаль, без пути, без дороги, тихо бредет сирота.
Ворон-могильщик, от пепла горячего серый,
Падает в черную ночь с обгорелых ворот...

Пламенем, сталью и мезтью, не знающей меры,
Будет платить по кровавому счету народ.
Ненависть в сердце, как порох сухой, пронесли мы.
Скоро окрепнут морозы. В поле завоюет пурга.
Воины-мстители встанут, яростны, неумолимы,
Грозной карающей силой выйдут по следу врага.
Будет земля под ногами врага расступаться,
Мстящее пламя пройдет от стрехи до стрехи.
Горе вам, девушки Шлезвига, Шварцвальда,
Граца!
Не возвратятся с Востока в свадебный день
женихи.

Смерть их настигнет в каждом лесу и долине,
Каждое дерево встретит смертным ожогом ружья.
Горе вам, жены в Мюнхене, Кельне, Берлине!
Не возвратятся с Востока к вашему крову мужья.
Смерть их настигнет, в какую ни прятались
цель бы,

Ярость сожжет их, как жжет сорняки суховея.
Горе вам, матери с Одера, Рейна и Эльбы!
Вам не дожидаться с Востока, вам не встречать
сыновей.

Не возвратится ваш выводок волчий с Востока,
Орды пришельцев утонут в черной разбойной
крови.

Именем жизни клянемся — мстить, истребляя
жестоко,
И ненавидеть клянемся — именем нашей любви.

* * *

Без конца и без края багровые зарева,
Тяжелы по дорогам чужие шаги.
Что же? Рви, издевайся, ломай, разбазаривай,
Наши теплые гнезда без жалости жги!
Нет пощады ни хрупкому детству, ни старости,
Опозорена дочь на могиле отца...
Не уйдешь ты, папач, от карающей ярости,
Что обуглила русские наши сердца.
Всё, что втоптано в грязь, сожжено и загублено...
Синий трупик младенца и мертвый завод,—
В русском сердце дымящейся раной зарублено,
Вопиет о расплате, возмездия ждет.
Мы проходим шагами широкими, скорыми,
Чтобы мщенье свершить или мертвыми лечь.
Видишь: Русь над умытыми кровью просторами
Подняла богатырский карающий меч.

* * *

Чтоб снова песнею могучей
Гремел труда победный шаг,
Чтоб в древнем Киеве над кручей
Взвился сквозь ветер красный флаг,
Чтоб над Москвой и Ленинградом
Сверкали мирные огни,—
Срази врага! Добей прикладом
И через труп перешагни.

* * *

Курганами славы покрыта родная равнина,
И Днепр, и Морава, и Висла, и Волга-река.
Ты лжешь, чужеземец, что медленна кровь
славянина,
Что в грозное время душа славянина кротка!
От нас убегали монгольские орды Мамай,
Солдат Бонапарта мы в наших снегах погребли,
На полчища Гитлера кованный меч поднимая,
Мы грудью прикрыли просторы славянской земли.
От Вислы к Придонью, от Волги до Савы и Дравы
Коврами цветов мы покроем над кровью луга,
Могилы славян вознесутся курганами славы,
И пахара плуг разравняет могилу врага.

* * *

Декабрь по дорогам гонит пургу,
Немецкий мертвец лежит на снегу.
Русская мать с потемневшим лицом
Склонилась над мертвецом,
Глухо сказала, платок теребя:
— Нечем мне, парень, оплакать тебя,
Высохла слез моих горьких река,—
Ты заколол моего старика...
Сын у меня единственный был —
Ты его, волчье отродье, убил...

* * *

Исковерканы взрывом пути полустанка,
Снег расчерчен следами бесчисленных лыж.
На разбитую башню немецкого танка
По обугленным ребрам взобрался мальчиш.

Зябко ежась и брови сдвигая упрямо,
Показал на чужих мертвецов у двора:
— Это их за папашю, Серёгу и маму
Наши дяди-танкисты побили вчера.

ДВОЕ

Их было двое. Враг их окружал.
Один, крича и плача, побежал,—
Четыре вспышки выстрелов блеснули,
И в спину беглеца впились четыре пули.
Другой боец не отступил ни шагу,
Он встретил в лоб орущую ватагу.
Поднявшись в рост над рыжим бугорком,
Спружинив мышцы сильные упруго,
Разил гранатами, колол штыком —
И вырвался из замкнутого круга,
Десятерых на месте уложив.
Он жизнь любил. И он остался жив.

Стали в августе ночи длинные, темны,
Осень в стекла стучит дождем.
Дочка шепчет:—Мама, дойдем до войны
И его домой приведем.

— Что ты, ласточка! Слышишь, как плачет дождь?
Запугала в дожде луна.
Разве ты его в дальних лесах найдешь?
Ночь сегодня темным-темна.

Спи, забудься, касатка! Дыши легко.
Перепугала ночь пути.
Ты совсем еще крошка. Война далеко,
И тебе до нее не дойти.

Мы в письме нарисуем ручку твою,
А письмо отдадим стрижу.
Хочешь, доченька, песню тебе спую?
Хочешь, сказочку расскажу?—

Глухо капли дождя по стеклу стучат.
Притаился ребенок, смолк...
— На добычу поджарых своих волчат
Вывел тощий немецкий волк.

Волк ползет по просторам твоей земли.
Хочет крови твоей добыть.
Чтобы войны наши домой пришли,
Надо злого волка убить.

Твой отец с победой вернется домой,
Приласкает дочку свою...
Ты уснула, пушистый зайчонок мой.
Баю-баюшки, баю-баю!..

СОВРЕМЕННОСТИ

Мы—современники трудного века.
Путь наш начертан полетом свища.
Мы защищаем честь человека
И беспощадны в бою до конца.

Слушайте, дальние наши потомки,
Слово вступающих с гибелью в спор.
Ночью, в порывах февральской поземки,
К мосту сползает ваш предок—санер.

Боль обожгла его сердце простое.
Платит он времени страшной ценой.
Руки, сложившие эти устои,
В бездну свергают пролет кружевной.

Слушайте, дальние наши потомки,
Слово того, кому гибель грозит.
Наст прогибается тонкий и ломкий,
Предок-разведчик на лыжах скользит.

Миг неожиданной схватки недолог.
С ходу, гранату поставив на взвод,
Он, жизнетворец, ученый биолог,
Ткани живые осколками рвет.

Войны вести не легко и не просто,
Горько шагать по кровавой росе.
Люди обычного, среднего роста,
Мы—жизнетворцы, строители все.

Выбора нам не давала эпоха.
Силой и сталью решается спор.
Вот почему до последнего вздоха
Будет сражаться ваш предок—сапер.

НИКТО НЕ ПОСМЕЕТ НАЗВАТЬ НАС УБИЙЦАМИ

Скажите мне, кто они: люди ли, звери ли?
Свирепы, безжалостны, сердцем черны.
А мы сызмала в человека поверили
И ныне ему, как солдаты, верны.

Удела невольников смерть тяжелее ли?
Кто друга в бою не поддержит плечом?
На все, что мы долго растили, лелеяли,
Они посягнули огнем и мечом.

В суровое время мы стали суровыми,
И каждый без жалости должен убить
Того, кто грозит нашим детям оковами,
Кто душу народа посмел оскорбить.

Нельзя перед коршуном быть голубицами,
Не льстит нам печальный удел голубиц.
Никто не посмеет назвать нас убийцами
За то, что в бою истребляем убийц.

ВСТРЕЧА

Хрустит снежок, морозный, жесткий,
Взбегают сосны на бугор.
Сквозь лес, минуя перекрестки,
На запад держит путь дозор.
Таятся лисы в снежных норах.
За тучей «Юнкере» воет зло.
Дозорный ловит каждый шорох,
Входя в отцовское село.
Здесь с детства всё ему знакомо,
Здесь тропка каждая мила.
Был дом родной. Не стало дома.
И детства нет. И нет села.
Но пепелищу ветер рыщет,
Под серым пеплом черный сруб.
На тополе, над пепелищем,
Качается тяжелый труп.
Качается понурый, синий,
Опоры нет ему нигде.
Сжат черный рот, и белый иней
Застыл в дремучей бороде.
Как над открытою могилой,
Дозорный сторбился, скорбя.
Он глухо шепчет:—Батя, милый,
Хороший... как они тебя...—
И, пересиливая муку,
Он гладит зипуна обшлаг,
Целуя ледяную руку,
Упорно сжатую в кулак.

А русский снег кругом, как море.
А даль зовет — пора идти!
И он идет вперед. И горе
Тому, кто встанет на пути!

ВОЗМЕЗДИЕ

Детей убил и дом поджег,
К своим, на запад, убегая,
Но вилы подсекли прыжок.
И шею жмет петля тугая.

Хрипящего подняв с земли,
Набив за пазуху солому,
Шесть русских женщин повели
Его к пылающему дому.

Он слезы труса не утер,
Моля и воя оготело.
Шесть женщин бросили в костер
Его увертливое тело.

Глушил далекий пулемет
Его предсмертные рыданья...
Лишь тот жестокость их поймет,
Кто знает меру их страданья.

КЛЯТВА НАД КРОВЬЮ

До полей Подмосковья от Березины
Я прошел по дорогам войны.
Много горечи жгучей на сердце легло.—
Как поднять эту тяжесть сердце могло?
Я видал, как пылали в ночи города;
Как тянулись гуртами к востоку стада;
Как смолкали над нивами птиц голоса;
Как зверьё покидало родные леса;
Как в расплавленном мареве, в едкой пыли
Толпы беженцев, горем прибитых, брели;
Как в полях, осененных июльским теплом,
Смерть летала над нами холодным крылом.
Не забуду, пока я живу на земле,
Крючья черных крестов на железном крыле.
Слышал я по ночам леденящие кровь
Плач и стоны малюток у дымных костров.
Слышал я, как вылетались в гром батарей
Причитанья сраженных тоской матерей.
Детской кровью дымилась пути на восток.
Как свидетелей сердца—на суд позови
Молодечно и Брест, Волковыск. Белосток.
Слоном, плававший в детской невинной крови.
Те, кто выжгли из сердца и совесть и честь,
Лили кровь из ребячьих разорванных жил.
На дорогах народного горя не счесть
Безымянных, затерянных детских могил.
Помню, лес белорусский в полдневной красе,
Чуть трепещет под ветром кленовый листок,
На клубящемся пылью оршанском шоссе
Человечьего горя бескрайний поток.

И над плачем детей, над мычаньем коров.
Над прижатой ногами, пожухлой травой
Возникает моторов пугающий рев.
Посвист пуль и пронзительный бомбовый вой.
«Мессершмитты» ушли за сосновый лесок
С воем, волчьего воя лютей.
Разрывая ногтями горячий песок,
Хоронили живые убитых детей.
Подойди к матерям! Загляни в их глаза.
Им в сверкающий солнечный полдень темно.
Не смягчит материнского горя слеза.
Если горькие слезы иссякли давно.
На дорогах войны, под немецким свинцом.
Продираясь сквозь бомбовый чад,
Поднимаются тени, на запад лицом.
Криком сердца о мщеньи кричат.
Если был ты на крестном народном пути.
Слышал зверя железного рык,
Никогда не забудь, никогда не прости
Этот сердцем исторгнутый крик.
Можно снова из пепла поднять города,
Песней радость строительства взвить.
Но убитых детей не вернуть никогда.
Раны сердца не заживить.
Слышу девочки раненой жалобный стон,
Сироты бесприютного плач...
Наша месть бесконечна, как смена времен.
Не уйдешь ты от мести, палач!
Ярость в сердце народном клокочет ключом.
Слушай воинов, родина-мать:
Мы клянемся над кровью — огнем и мечом
Наше будущее отстоять!

И решил на себя пенять.
Рвали руки мне и раз, и другой, и пять...
Били в спину и по плечу.
Мне о том, понимаешь, жуть вспоминать.
Я о том вспоминать не хочу.
Видит главный—пытка меня не берет.
Разорвал протокол со зла.
Дали в руки лопату:
— Топай вперед!—
Повели меня из села.
Сам себе я взбивал земляную постель,
И меня торопил приклад.
Для неважных стрелков хорошая цель—
Безоружный красный солдат.
Разомкнули они над могилой кольцо.
Бить в упор—не большая честь!
Сколько вспышек ударило мне в лицо,
Я не мог, понимаешь, счесть.
Я в готовую яму упал личком.
Под рубахой жжет горячо.
Офицер подошел, ударил носком.
Сверху пулей обжег плечо.
Я лежу, не дышу,—мертвяк-мертвяком.
Порешили, что амба мне.
Застучали лопаты. Глиняный ком
Холодком прошел по спине.
Закопали в могилу, ушли в село.
Тяжким грузом сдвинуло грудь.
Шевельну ногами, а ноги свело,
Глиной рот забит, не вздохнуть.
Задохнуться в могиле какая сласть?
Стал пытаться я судьбу-каргу.

И откуда вдруг сила во мне взялась.
До сих пор понять не могу.
Повернулся. Землю руками разгреб.
Сам себя ошупал—живой!
Под ногами холодный глиняный гроб.
Небо в звездах над головой...
Целовал я холодные комья земли.
Уползая к ребятам в лес.
В десять тридцать меня враги погребли.
А в одиннадцать я воскрес.
Через день после первых моих похорон
Я про раны свои забыл
И опять досылал в патронник патрон
И своих могильщиков бил.

ДЕД ТАЛАШ

Над Полесьем ночи мглысты.
Ходит жуть, травой шурша.
Спят немецкие фашисты
В новой хате Талаша.
Сруб сосновый сух, как порох,
Злой огонь сильнее свинца.
Часовым не слышен шорох
За плетнем и у крыльца.
Пламя сбило сумрак серый.
Чья-то тень метнулась прочь.
Не расскажут офицеры.
Что им снилось в эту ночь.

Тлеют звезды над полями.
Синей дымкой лес одет.
С партизанами-сынами
Лег в засаду старый дед.
Ночью выстрелы гремели,
Вражьи конников круша.
На шляху слышали ели
Гневный голос Талаша.
На шляху, где лес и пажить,
Трупы выложены в ряд.
Что тут было? Кто расскажет?
Мертвецы не говорят.

Где шумит лесок зеленый,
Где желтеет житный плес,
Темной ночью эшелоны
Полетели под откос.
На пустынном полустанке
Часовой лежит в пыли.
Партизаны вражьи танки
На стоянке подожгли.
Мимо просек, мимо пасек
Ходит мститель — старый дед.
Легкой тенью внук Михасик
Покрывает делов след.

По болотам, по оврагам,
То в землянку, то в шалаш.
Молодым бойцовским шагом
Ходит старый дед Талаш.
Из-за Припяты и Сожа,
Неиреклонна и грозна.

Старикам и молодежи
Постушь мстителя слышна.
Дед Талаш не горбит спину,
Пламя бьет из-под бровей,
В бой за родную страну
Дед скликает сыновей.

* * *

Когда мы в поле, на ветру, стоим
И нас встречает ураган свинца,
Как в дни работы, именем твоим
Окрылены солдатские сердца!

Грохочут пушки, и свистит шрапнель.
Но цель ясна, и страха нет в груди.
Твою красноармейскую шинель
Боец в атаке видит впереди.

И перед каждым новым рубежом,
Когда вступает смерть в свои права,
Мы, как святыню, в сердце бережем
Твои простые, ясные слова.

Пусть мы не все под отчий кров придем,
Отца сменяя, сын возьмет ружье.
К победе путь указан мне вождем,
И коммунизм — бессмертие мое.

* * *

Обходя караулы, к снегам припадая,
Целиной, без дорог, под немедким свинцом
В полк пришла по пороше прямая, селая,
С потемневшим от горя суровым лицом.
Рассказала, как сына послали на муку,
Рассказала, как дом на рассвете горел...
Ей полковник пожал узловатую руку,
Вспомнил детство, и обнял, и лаской согрел.
Он провел партизанскую мать перед строем,
Мимо танков и пушек, укрытых в кусты.
Он сказал ей:—Мы новую хату построим.
В палисаднике новом посадим цветы.
Не дадим мы слезе материнской пролиться,
Не продрогнет на холоде старость твоя.
Глянь в глаза нам, запомни повадку и лица.
Все мы—русские, все мы—твой сыновья.

* * *

Мой сын синеглазый!
В тревожные, грозные дни
Прочти эти строки
И в памяти их сохрани.
Я жить, побеждая, хочу,
Но война есть война.
И если фашистская пуля
Мой путь оборвет,

Заменит отца тебе
Наша большая страна,
И сердце мое
В твоей груди оживет.
Я в трудное время
Исполню свой долг до конца.
Тебе не придется краснеть,
Вспоминая отца.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В громовую песню карающей стали
Вплетен пулеметный крутой говорок...

Я знал вас в июле. Вы в памяти встали
Покрытые пылью военных дорог.
Прошли, отступая, сквозь огненный дождь вы,
Обиду и горечь скрывая в груди.
Казалось, земля прожигала подошвы
И камни кричали:—Не уходи!—
Воронки зияли дымящейся бездной,
Прохладой не звал пересохший поток.
Вы честно сражались. Но ветер железный,
Крепчая, теснил и теснил на восток.
Вы приняли горечь смертельной отравы.
То жженье в сердцах и поныне свежо.
Я помню—минер, подорвав переправы,
Кричал, обернувшись на запад:
— Ужо!
Ужо мы за всё расквитаемся с вами.

Ужо мы вернемся...—

Бессилен и мал,
Он пал на колени в обугленной яме
И жаркую землю в слезах обнимал.
Бессчетны походные ваши становья.
Обид и могил на дорогах не счесть.
Победный декабрь на полях Подмосковья
Прославил оружия русского честь.
На запад уходят военные грозы,
Забрезжили близко Днепра берега.
За ваши мужские июньские слезы
Сугробы окрашены кровью врага.
Вас эти дороги знакомые ждали.
И ждали деревни, одетые в чад.
— Мы ждем вас,—

кричат оскверненные дали,

И камни:

— Убей!—

из-под снега кричат.

ПЕСНЯ ОТПОРА

Опять на восток, как в июле былом,
Немецкие полчища прут напролом.
Пехота идет, по дорогам пыли,
Под танками стонет донская земля,
В станицах и селах расправа и плач,
Над пеплом пожарищ лютует палач.
Порушена хата, и вырублен сад.

К оружию, товарищ!
Ни шагу назад!

Затем ли пахал ты с рассвета, с утра,
Чтоб твой урожай собрала немчура!
Затем ли ты строил дома и дворцы,
Чтоб их разрушали теперь подлецы!
Земля под ногами твоими горит,
Земля тебе шелестом трав говорит:
— Не смеет топтать меня бешеный гад!
К оружию, товарищ!
Ни шагу назад!

Где дрогнуло сердце, где гложет борьба,
Там плен и позорная участь раба.
Пруссак изнасилует дочь и жену,
Малютки зачахнут в немецком плену.
Разрушив твой кров, обездолив семью,
Твой хлеб, и овцу, и корову твою
Сожрет и сведет со двора супостат.
К оружию, товарищ!
Ни шагу назад!

Навстречу железному лязгу колонн
Встань, воин и мститель, отважен, силен!
Встань, яростный, жизнь и отчизну любя!
Нет силы такой, чтоб сломила тебя.
Удар на удар и снаряд на снаряд!
К оружию, товарищ!
Ни шагу назад!

Не дай им покою ни ночью, ни днем,
И танком дави, и топчи их конем,
Коли их штыком, и гранатой рази,
Чтоб трупы их стыли в кровавой грязи.
Тогда, истребляя их вражеский род,
Пойдешь ты к победе,
На запад, вперед!

НОЧЬ ПОД ОСКОЛОМ

Над колючим, ржавым частоколом
Пулями иссеченный зенит.
Меловые скалы за Осколом
Зарево пожара кровянит.
Полевод, седобородый, древний,
Говорил той душной ночью мне:
— Видишь, наши русские деревни,
Умирая, корчатся в огне.
Ты скажи мне: по какому праву,
Ради дьявола или Христа,
Мой посев, мои степные травы
Топчет чужеземная пята?
Говорят, ты в песнях наторелый,—
Припади к моей высокой ржи,
Про тоску деревни погорелой
Песню для сынов моих сложи.
Чтоб коса чужая не косила
Русских трав, высокой русской ржи,—

Душу, сердце, песенную силу
Ты в слова железные вложи.
Чтоб слова той честной песни звали
За отчизну биться до конца,
Чтоб от песни слезы застывали
Каплями смертельного свинца,
Чтоб от гнева сердцу было тесно,
Чтоб трубила песня та трубой,
Чтоб сквозь все страданья с этой песней
Шли сыны мои на смертный бой.

ГОРОД О...

В синеву, в безоблачный простор
Город руки мертвые простер.
У подножья обгорелых труб
В прах лицом зарылся женский труп.
Город был живой еще вчера,
Слушал шелест струй и плеск весла,
На дворах играла детвора,
Липа в парке над рекой цвела.
Женщина, что вниз лицом лежит,
Пробудываясь, слышала в ночи,
Как фугаска, падая, визжит,
Как кирпич расколотый кричит.
Бросилась бежать, и в этот миг
Смерч железный женщину настиг.
И она перед родным крыльцом
Мертвая упала, вниз лицом.

В дымном зареве вставал рассвет.
Город был. Сегодня нет его.
Лишь на картах он оставил след—
Маленький кружок и надпись: «О...»
Этот черный маленький кружок
В сердце пламя ярости зажег.
Зреньем сердца мы могли прочесть
Под кружком на карте слово: месть.

ПОЛЕ БОЯ

За селом трава по колено,
Дон течет, берегами сжат.
В сладком смраде смертного тлена
Вражки трупы лежат.

Где—в Варшаве или в Париже—
Первый раз обагрна тесак
Этот, нами убитый, рыжий,
Конопатый пруссак?

Будет гнить он вот здесь, в долине,
Или раков кормить в Дону?
Пусть рыдает жена в Берлине!
Мне не жалко жену.

Рядом с рыжим второй и третий—
Сотня, тысяча злых смертей.
Пусть их ждут в Дюссельдорфе дети!
Мне не жалко детей.

Стало сердце, как твердый камень.
Счет обиды моей не мал.
Я ведь этими вот руками
Трупы маленьких поднимал.

Гнев мне сердце сжигает яро.
Дай, судьба, мне веку и сил!
Я из дымной части пожара
Братьев раненых выносил.

Смерть! Гони их по мертвому кругу,
Жаль их тысячью острых жал.
Я ведь этими пальцами другу
В миг кончины веки смежал.

Ненавижу я их глубоко
За часы полночной тоски,
И за то, что в огне, до срока,
Побелели мои виски.

Ненавижу за пустошь пашен,
Где войной урожай сожжен;
За тоску и тревогу нашу
Одиноких солдатских жен.

Осквернен мой дом пруссаками,
Мутит разум их пьяный смех.
Я бы этими вот руками
Задушил их, проклятых, всех!

Всех их с камнем пустил бы в воду,
Был, пока есть свинец в стволе,
Чтоб ни племени их, ни роду
Не осталось на нашей земле.

ПОГОРЕЛОЕ-ГОРОДИЩЕ

Фронтовые записки

1

Овечьи летней луговой прохладой,
Такой немудрый, маленький такой,
На горке, за бревенчатой оградой,
Стоял крестьянский город над рекой.

Здесь пахари и звероловы жили,
Плодясь, трудясь до полночи с утра.
Сушили сети на прибрежном иле,
В Иванов день плясали у костра.

Но в трудный день, во времена крутые,
Пришельцы из чужой степной земли,
Свирепые кочевники Батыя,
Нагрянули и городок сожгли.

Истлели сети. Вишни одичали.
Чертополох подмял ростки овса.
Прошли года, и снова зазвучали
Над речкой человечьи голоса.

Скитавшихся без крова и без пищи
Людей сюда несчастье привело.
Встал первый сруб. Горелым-Городищем
Они назвали новое село.

Рожденное в лесной глуши столетий,
Оно всё больше разрасталось вширь.
Старели деды, подрастали дети.
С годами войн чередовался мир.

И в сорок первом дети подрастали.
Но наступил октябрьский день, когда
Под гром боев и лязг горячей стали
Сюда вломилась новая орда.

Крича, стреляя, поджигая хаты,
Как саранча, летя со всех концов,
Бесчинствовали пьяные солдаты
С холодными глазами мертвецов.

Огонь был сыг в ту ночь обильной пищей.
В ту ночь ребенок делался седым.
В ту ночь над Погорелым-Городищем
Клубился черной тучей едкий дым.

2

Орудия гремели на рассвете.
Враг убежал на запад ровно в шесть,
А днем принес в леса восточный ветер
Волнующую, радостную весть.

И вот, в немолчном грохоте орудий,
Стреляющих на новом рубеже,
Из леса робко потянулись люди
По дикой, но нетоптаной меже.

С кошелками из прутьев краснотала
Они идут в родимые места,
Где нашу землю русскую топтала
Тяжелая немецкая пята.

Подняв с земли мешок со скарбом пищим,
От долгих дней тоски угрюм и дик,
Вдоль кромки ржи к холодным пепелищам
Бредет высокий сторбленый старик.

Вот здесь была его родная хата,
Был теплый кров и ужин на столе.
Раздутый труп немецкого солдата
Теперь лежит на выжженной земле.

Мертво кругом. Сквозят на вязе старом
Пустые гнезда галок и грачей.
Скелеты лиц, обглоданных пожаром.
И груды обгорелых кирпичей.

Но жизнь есть жизнь. Она торопит нас.
Уже очаг хозяйственно дымится,
И сушится на противне запас
Из тайной ямы добытой пшеницы.

В горе землянка вырыта уже,
И вход в нее прикрыт чужой шинелью.
Уже семья в немецком блиндаже
Голодное справляет новоселье.

Угрюм подземный беженский уют.
По серым стенам ползают мокрицы...
В подклетьях петухи не запоют,
Овес в полях не вызорят зарницы.

Не запоет пастушеский рожок,
На зорьке ранней поднимая стадо.
Коров угнал и теплый хлев поджег
Свирепый враг, не знающий пощады.

Мы не дадим свищу дремать в стволе.
Летите, пули, смертоносным роем!
Свершится месть. На выжженной земле
Мы сад посадим и дома построим.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

День к вечеру клонился. Чуть дрожа,
Зной обтекал сухого лепла горы.
Поодаль от пустого блиндажа
Привал разбили под стеной саперы.

Пшено варилось в черных котелках,
На дно мучнистым слоем оседая.
С двухлетним мальчуганом на руках
К ним подошла крестьянка молодая.

Огонь лизал промасленную жечь,
Косматился, играл меж котелками.
Ребенок плакал:—Мама... хлеба... есть...—
И пар ловил опухшими руками.

Мне очень трудно продолжать рассказ,
Мне сердце жгут слова ребячьи эти.
Мы все отцы. У каждого из нас
Остались дома маленькие дети.

Что б ты ни делал, где бы ты ни жил,
Их образы встают, как из тумана.
Сапер миноискатель отложил,
Сухарь и сахар вынул из кармана.

Я видел, как сапер от слез ослеп.
Когда ребенок, и смеясь, и плача.
Схватив ручонками солдатский хлеб,
Его жевать поспешно, жадно начал.

Ты не забудешь никогда, солдат,
Опухшие, бессильные ручонки,
Блуждающий, совсем не детский взгляд
И синий ротик этого мальчонки.

Твой горький труд его от смерти спас,
Вернул для жизни щупленькое тело.
Тебе, и мне, и каждому из нас
Страна прощать обиды не велела.

Когда ты немца встретишь за рекой,
В такой же вот блиндажной черной яме,
И ничего не будет под рукой,
Ты в глотку немца вцепишься зубами.

Ты будешь грызть, терзая и душа,
Пока не станет он белее мела,
Пока его разбойная душа,
Душа гадюки, не покинет тела.

ЛЕТНИЙ ДЕНЬ

Жарница жаждой глотку обожгла,
Скоробила рубахи солью пота.
По улицам притихшего села
Проходит запыленная пехота.

Вилетенные в неровный стук подков,
Шаги пехоты тяжелы и глухи.
Зажав губами кончики платков,
Стоят у тына скорбные старухи.

Стоят, скрестив на высохшей груди
Морщинистые, старческие руки.
Взгляни в глаза. Поближе подойди.
Прислушайся к немому крику муки.

Неотвратимый материнский взгляд
Стыдом и болью сердце ранит снова.
Он требует: — Солдат! Вернись назад,
Прикрой отвагой сень родного крова!

— Остановись, солдат! — кричит земля
И каждый колос, ждущий обмолота...
Тяжелыми ботинками пыля,
Уходит в поле из села пехота.

ДЕВОЧКА И СОЛДАТ

В небе, от зноя полдневного звоном,
Мечется рыжего пламени клочок.
Рядом с дрожащим от страха ребенком
К дубу принял запыленный стрелок.

Снизу в глаза ему жалобно глядя,
Бледные ручки сцепив на груди,
Девочка шепчет:—Дяденька! Дядя!
Миленький, родный, не уходи!

Рокот катился по пыльной дороге,
Сталь пригибала к земле краснотал.
Встал пехотинец, суровый и строгий,
Пару бутылок из торбы достал.

В самую прорву растущего рева
Кинул бутылку широким броском.
Дух перевел. Огляделся. И снова
Выбросил спящего пламени ком.

Пламя вставало из облака пыли,
Плавало сталь, лизало кусты.
Неред глазами двойнись и пыли
В дымной завесе чужие кресты.

Пуля залетная взвизгнула тонко,
Ткань разрывая и кости дробя.
Раненый тихо склонился к ребенку:
— Доченька, я не уйду от тебя!

ПЕСНЯ ГНЕВА

От чужого полона
Степь полынная стонет.
Возле берега Дона
Ржут железные кони.

Ночью с крыши на крышу
Красный мечется кочет.
Стоны женщины слыша,
Пьяный немец хохочет.

Взгляд мой меркнет от боли,
Сердце сушит страданье.
Друг мой! Брат мой! Доколе
Нам терпеть поруганье?

Не согнутся покорно
Наши русские спины.
Ярость облаком черным
Накрывает равнины.

По донским перекатам
Зреют страшные грозы.
Отольются проклятым
Материнские слезы.

В грозном пушечном громе
Мерьте с недругом силы.
На донском черноземе
Ройте немцам могилы.

Чтоб смертельною дрожью
Чужеземец забился,
Чтоб свинцовою рожью
На Дону подавился.

Обступайте, тесните,
Сокрушайте с налету!
Полной мерой платите
По кровавому счету.

Друг мой! Брат мой! Товарищ!
Наше дело нетленно,
Хоть над пеплом пожарищ,
Хоть в крови по колено.

Не щадить своей жизни
Завещали нам деды.
Соберем для отчизны
Урожай победы.

РОССИЯ

Всё как прежде, как в древние войны.
Поселенцы уходят в леса,
И звучат в деревьях беспокойно
Причитающих баб голоса.
В тайники зарывают пшеницу,
На восток угоняют стада.
Пьют, и грабят, и жжет, и глумится
Захлестнувшая землю орда.

Ночью зарев кровавых свеченье,
Днем по селам расправа и суд.
Упокойников вниз по теченью
Тихо русские реки несут.
Группы стынут в молчании строгом
На пути проходящих колонн.
Россиян по разбитым дорогам
Крестоносцы уводят в полон.
Но из русского ратного стана
Стежки к стану врага не видать.
К сапогам чужеземного хана
Не приходят послы принадать.
Пусть зашли чужеземцы далече
В шири русских лесов и полей,
Жив народ наш. От сечи до сечи
Мы становимся крепче и злей.
Нам беда не подломит колени.
Век другой—и другая война!
За пожары и боль отступлений
С немцем кровью сочтемся сполна.
От обиды, утраты и боли
Не ступились ни сердце, ни меч.
С Куликова старинного поля
Вест ветер невиданных сеч.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Детей не ждет тепло родного крова	3
Лес притаился, безмолвен и строг	4
Топлы людей без конца и числа	4
Дороги дальние пыльны	5
Пройдя сквозь строй железных гроз	6
Он мне сказал, отходя ко сну	6
Сказав убитому: «Лежи, дружок!»	6
Человек склонился над водой	7
В пустых дворах бездомный ветер рыщет	7
Грузовики, рыча, неслись куда-то	8
Опять этот долгий прерывистый вой	8
Как птиц к разбитому гнездовью	9
Враг вошел в мой дом и разбил	10
Над выжженной землею пыль клубится	11
В смертном ознобе под ветром трепещет осина	11
Без конца и без края багровые зарева	13
Чтоб снова песнею могучей	13
Курганами слезы покрыта родная равнина	14
Декабрь по дорогам гонит пургу	14
Исковерканы взрывом пути полустанка	15
Двое	15
Стали в августе ночи длинны, темны	16
Современники	17
Никто не посмеет назвать нас убийцами	18
Встреча	19
Возездие	20
Клятва над кровью	21
Песня смелых	23
Разведчик Пашков	24
Дед Талаш	26
Когда мы в поле, на ветру, стоим	28
Обходя караулы, к снегам припадая	29

Мой сын синеглазый!	29
Возвращение	30
Песня отпора	31
Ночь под Осолом	33
Город О...	34
Поле боя	35
Погорелое-Городище	37
Возвращение	40
Летний день	42
Девочка и солдат	43
Песня гнева	44
Россия	45

Редактор А. Мясников

Подписано к печати 27/1 1943 г. А-405. Тираж 25 000.
1 $\frac{1}{2}$ печ. л. 1,77 уч.-авт. л. Зак. № 1780. Цена 1 р. 25 к.

6-я типография ОГИЗа. Москва, 1-й Самотечный пер., 17

1 р. 25 к.

Тослитиздат